

Интеграл Русского мира: подходы и предложения

Н.В. Еремина, С.Н. Середенко

Обращённый вовне и внутрь, не имеющий определённых очертаний, интеграционный проект России называют по-разному. Для симпатизирующих проекту он носит название «Русский мир», «Русская цивилизация», «воссоединение разделённого народа», «Святая Русь», «Русская весна» и др., для его антагонистов – «возрождение империи», «распространение влияния путинской России» или «мягкая сила Кремля». В начале 2012 года один из авторов настоящей работы фиксировал следующее: «На сегодняшний день Русский мир преисполнен прекраснотвория. С момента первой конференции, провозгласившей задачу построения Русского мира, прошло уже шесть лет: за это время Русский мир стал устойчивым брендом, появились одноимённые фонд и издательство. Словосочетание это как геополитический термин используется в официально-концептуальных документах России. Как результат, Русский мир строят все. По брёвнышку, по веточке. Получается величественный шалаш» [1, с.36].

Настоящая статья – не только попытка ревизии существующих представлений о Русском мире, но и предложение авторами своего видения «интеграла» Русского мира, а также следующих из этого выводов.

Концепция «Русского мира» является, с одной стороны, всеобъемлющей, наднациональной, надэтнической, цивилизационной, что не позволяет очертить её четкие границы. С другой стороны, как уже указывалось, её довольно часто используют во внешнеполитической риторике, указывая на насущные внешнеполитические задачи реализации российских интересов, или даже связывая с некими имперскими амбициями, выставляя в качестве так называемого неоимперского проекта, серьезно «сужая» понятие в практическом преломлении.

Очевидно, что понятие «Русский мир» является одновременно инструментальным, так как востребовано для формирования стратегии российской внешнеполитической деятельности, прежде всего, на постсоветском пространстве, а также цивилизационно-историческим, поскольку указывает на глобальную миссию и динамическое развитие Русской цивилизации, представляющей себя в качестве наследницы Византийской цивилизации. Разные исследователи обращают внимание на разные стороны концепции, сосредотачиваясь либо на фундаментальных принципах развития России и русской цивилизации, либо на политическом инструментарии, выраженном в «мягкой силе».

За время, прошедшее с первой конференции Русского мира, в смысле определённости мало что изменилось. Проект находится в руках интеллектуалов и превратился в отличный повод для упражнений в самопознании русского народа-нации-цивилизации-мира. Как и предполагалось [2, с.84], данный процесс родственен процессу, инспирируемому Американской гуманистической ассоциацией, в котором развитие гуманистических идей движется от манифеста к манифесту. Родственен, но не так формален. При этом проблема русских «манифестов» в том, что они не преемственны друг другу и, как правило, не соотносят себя с другими «манифестами», в связи с чем возникает потребность в ревизии указанных текстов, прежде всего, с целью определения направления исследований.

Кроме этого, по-прежнему актуальным остаётся вопрос о том, является ли Русский мир объективной реальностью, которую надлежит исследовать, или же обращённым в будущее проектом, который надлежит спланировать и реализовать. Не меньше вопросов вызывает измерение «мира» - какое оно? Политическое, культурное, цивилизационное,

национальное, правовое, этническое, религиозное или, как утверждают антагонисты, агрессивно-имперское? Или какое-то другое?

Концепция Русского мира была представлена во второй половине 90-х годов XX в., благодаря деятельности П. Щедровицкого, С. Градиловского, Е. Островского и Г. Павловского, перед которыми, конечно, в первую очередь, стояли задачи практические – понять, каким образом Россия способна сохранять интегрирующую роль на постсоветском пространстве. При этом русский язык и культура выступили автоматически в роли интеграторов, формирующих сетевую структуру, опирающуюся на носителей языка (русскоговорящих). По сути, авторы высказали гипотезу, которая базировалась на реальных фактах существования социально-культурной реальности, объединяющей людей, называющих себя русскими, притом, что, как они подчеркивали, в России и за ее пределами проживает одинаковое их число [3]. Такой подход связывает развитие русской цивилизации с мировой человеческой цивилизацией, а русский компонент становится важным ее элементом, утверждающим идею пассионарности русского народа, сохраняющего свою идентичность на протяжении веков.

Более того, часто именно русскость, которая сама по себе является интегральной, называется исследователями в качестве основы и механизма сохранения огромной территории, пережившей разнообразные и даже порой сокрушительные исторические бури. Она стала проводником между разными историческими Россиями, проложила путь от Киевской Руси к Владимиро-Суздальской, Московской Руси, а от нее к Российской империи, к СССР и обновленной России, позволив ощутить историческую преемственность. Эта русскость позволяла спасти страну от распада и служила интегратором на обширной территории, органично сохраняя одновременно единство и множественность [4].

Поэтому Русский мир – это пространство социокультурной интеграции, которая прокладывает множественные пути ко всем остальным видам интеграции.

Исследуя «манифесты», в рамках первого подхода можно рассмотреть сигналы, поступающие от руководства России, изученные, например, С.Ю. Пантелеевым [5]. В своей статье «Русские – разделённый народ: раскрытие понятия» (им анонсирован цикл статей на эту тему) директор Института русского зарубежья убедительно показывает, что понимание русских, как «разделённого народа», для Президента РФ В.В. Путина не случайно и воспринимается лично им, как трагедия. При этом Президент РФ говорит об этнических русских: «В результате распада СССР 25 миллионов этнических русских оказались за рубежом помимо своей воли и, как у нас в народе говорят, в одночасье. Повторю тезис свой о том, что русский народ оказался самым большим разделённым народом в мире, и это, безусловно, трагедия» [6].

Так как разделённость русского народа, как этноса – трагедия, то благом, очевидно, должно стать его воссоединение. С.Ю. Пантелеев выводит и «линии раздела»; по его мнению, русский народ разделён политически, идеологически, информационно, языково, религиозно, культурно-цивилизационно, а также на уровне семей. При таком подходе понятна и объективная реальность – разделение русского народа, и цель – его воссоединение, и измерения. Вопрос – какое это имеет отношение к Русскому миру и имеет ли вообще? Второй, не менее важный вопрос – а как это воссоединение реализовать? Международное право не оперирует термином «разделённые народы», не признаёт за ними «права на воссоединение», и не имеет по этому поводу ни одного документа. И наоборот: воссоединение с Крымом и Севастополем уже объявлены «агрессией», «оккупацией», «нарушением территориальной целостности Украины» и «возрождением империи». В «связи» с этим на Россию возложены международные санкции и резко увеличено присутствие НАТО на её границах.

Необходимо отметить при этом, что ни задача «воссоединения русского народа», ни задача исследования/построения Русского мира, ни задача познания/развития русской цивилизации не являются в России национальными проектами. Проекты, имеющие статус

«национальных», характеризуются журналом «Национальные проекты» так: «Национальные проекты, направленные на существенное повышение качества жизни граждан России, сегодня являются ключевым вопросом внутренней государственной политики» [7]. А «воссоединение русского народа» - цель очевидно внешнеполитическая. Это подводит к ещё одному вопросу, на который авторы «манифестов» не всегда спешат отвечать: что является предметом исследования – Россия в своих государственных границах или «Русский мир» в своих культурно-цивилизационных (или иных) границах? Если коротко, то Россия или «Россия+»?

Определённость можно найти у академика В.А. Тишкова. Откликаясь на требование существования «нации» для реализации «национальных проектов» и определяя Россию, как «нацию наций», он пишет следующее: «Формула «многонациональности» и непризнания российского народа как историко-культурной и гражданско-политической целостности, т.е. как государства-нации переключалась в текст Конституции Российской Федерации. Предложение определить страну как «многонародную нацию» (формула И.А. Ильина) тогда не было принято по разным причинам, в том числе под давлением этнонационалистов и доктринеров из числа теоретиков «национального вопроса». Сейчас формула «многонационального народа» может сохраняться в Конституции при условии признания в качестве приоритетов государственной политики не только развития этнонаций, но и утверждения категории «русского народа» как гражданской нации с его общими национальными ценностями, интересами, экономикой, культурой, образованием, лидерами, проектами и т.д. Иначе получается абсурд: национальные проекты есть, а самой нации нет! Чтобы было ясно, что российский проект не противоречит русскому, татарскому или другим этнонациональным проектам, нужно объяснять, что российская идентичность является надэтнической, и она не отменяет идентичность и целостность этнонаций. Таким образом, Россия – это нация наций» [8].

При этом он указывает, что нацию можно понимать многомерно, например, как совокупность граждан одного государства; как этническую группу - культурную нацию или этнонацию; как исторически устойчивую социально-экономическую и культурную общность людей. Очевидно, что для государства предпочтительнее понятие политической нации, обеспечивающей консолидацию согражданства, в то время как для лидеров этнических общностей важнее понятие культурной нации как средство защиты своих интересов и политической мобилизации [9, с. 892]. Но часто нацию одновременно рассматривают уже как политическую гражданскую общность и всё ещё как культурно-языковую (этнокультурную) общность. При этом действительно для многих государств стержневым стало понятие гражданства, обеспечивающее связь нации с государством [10].

Таким образом, предложенное В.А. Тишковым определение России как «нации наций» имеет смысл только в том случае, если первое слово используется в политическом смысле, как совокупность граждан России, а второе – в этническом. Поскольку у тех же русских в России нет своего отдельного государства, гражданами, «политической нацией» которого они бы являлись, в отличие, например, от татар.

Предложение считать «русский народ» «гражданской нацией» требует ревизии реального содержания российского гражданства на сегодняшний день. С учётом мнения Б.Г. Капустина, согласно которому «дать единственно правильное определение гражданства, похоже, нельзя в принципе. В логике политической и идеологической борьбы оно необходимым образом оказывается «сущностно оспариваемым», и его содержание в решающей мере обуславливается историческими контекстами, в которых осуществляется гражданство» [11].

Русский опыт полностью подтверждает это заявление: буржуазное гражданство, которое Франция обрела после принятия Декларации прав человека и гражданина в 1793 году, Россия обрела только в 1991 году, т.к. согласно Декрету ВЦИК об уничтожении сословий и гражданских чинов от 11 ноября 1917 года на смену имперскому «подданству»

сразу пришло советское гражданство. До этого же «в Пруссии Фридриха Великого, равно как и в России Екатерины Великой, дворянство пользовалось полнотой гражданских прав и свобод, но о политических правах не могло быть и речи» [12, с. 25].

Отвечая на вопрос об особенностях содержания современного российского гражданства, следует в интересующем нас контексте отметить два качественных его расширения: горизонтальное и вертикальное. Так, отсутствие широкого (или вообще какого-то) международного признания у таких новейших государств, как Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и Нагорный Карабах (а с недавнего времени – Луганской и Донецкой народных республик) приводит к реальным нарушениям глобальной возможности передвижения граждан этих государств. Поиски решения этой проблемы объективно подводят их к необходимости «обзавестись» российским паспортом, и, соответственно, российским гражданством. Помимо этого, внушительное число российских граждан постоянно проживает в ЕС - в одной только Латвии, по информации Управления делами гражданства и миграции этой страны, вид на жительство имеют около 48 000 граждан России [13]. Оценивая качество российского гражданства, нельзя также пройти мимо того факта, что его соискателями являются люди, ищущие себе защиты от военных или гуманитарных катастроф. Наиболее яркий пример последних лет – обращение в 2011 году с заявлениями о предоставлении гражданства РФ десятков тысяч сербов [14].

В отношении вертикального расширения И.А. Алебастрова фиксирует следующее: «Есть и другой подход к разграничению двух понятий гражданства, используемых в законодательстве одной страны. Например, в Великобритании понятием «нация» («национальность») обозначается устойчивая правовая связь лица с британским Содружеством, а термином «гражданство» - непосредственно с Соединенным Королевством» [15, с. 35].

Этот опыт никак не воспринят Россией. В содержании российского гражданства, в частности, практически никак не отражена вовлеченность российских граждан ни в Содружество независимых государств, ни в Союзное государство с Белоруссией. То же по нисходящей – российский паспорт никак не изобличает в его обладателе, например, гражданина Республики Башкортостан.

Понятно, что при таких вводных представить себе «совокупность граждан одного государства» как гомогенную политическую нацию проблематично. Осознание отсутствия указанной гомогенности не могло не вызвать реакции властей и появления нового дискурса, который чётко уловил Д.Б. Дондурей: «Меня интересует словосочетание «подавляющее большинство граждан» как составная часть целостной, хотя ещё и неопознанной, а может быть, специально не декларируемой содержательной доктрины власти. Впрочем, тут срабатывают даже пять слов — «широкая поддержка подавляющего большинства граждан». Задействованы несколько смысловых новаций. Во-первых, «подавляющее большинство граждан» не является синонимом понятия «народ», но корреспондирует с «народным фронтом». Во-вторых, и это главное, «подавляющее большинство граждан» прямо противостоит «гражданскому обществу», которое во всех странах мира выступает сегодня в качестве символической альтернативы государству — институциональной, ценностной, поведенческой, ещё не осознанной экономической» [16].

Эти наблюдения имеют явно внутрироссийский характер. Вместе с тем российская «политическая нация», как совокупность всех граждан Российской Федерации, в том числе проживающих за пределами страны, рассматривается апологетами теории «имперских амбиций Кремля» исключительно как угроза в связи с обязанностью решения Российской Федерацией стандартной конституционной задачи - необходимости «защиты российских граждан за рубежом». Более того, эта «политическая нация» тоже связана с очередным расширением, на этот раз лингвистическим: так, например, по мнению главы Комиссии по национальной безопасности Сейма Латвии Валдиса Затлерса, решающее значение для безопасности этой страны имеет даже не количество находящихся в ней

российских граждан: «Российская военная доктрина предусматривает возможность защиты всех русскоязычных в других странах независимо от их гражданства. В Латвии проживают примерно 28% русскоязычных. Так что, этот документ нас касается самым прямым образом» [17].

Таким образом, для антагонистов Русского мира обозначается сравнительно простое доказательство перехода от «защиты всех русскоязычных в других странах независимо от их гражданства» через «защиту российских граждан за рубежом» к «воссоединению разделённого народа».

Так о ком же применительно к Русскому миру следует вести речь – о гражданах России, этнических русских, «российских соотечественниках» или лицах, чьим основным языком является русский? Чем является Русский мир в своём «кадровом» выражении – «разделённым народом», «политической нацией», «русскоязычным сообществом» или чем-то иным?

Количество российских соотечественников по-разному указывается в разных источниках – например, «около 30 миллионов» [18], или «1 миллион 700 тысяч, т.е. те, кто приходят в консульства голосовать на выборах президента, притом, что реальное число живущих за границей россиян может быть больше в пять – шесть раз» [19].

Количество «русскоязычных» лиц за рубежами России тем более не поддаётся учёту, при этом Фонду Русский мир уставом поставлена задача увеличения их числа: «Основными целями Фонда являются популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержка программ изучения русского языка в Российской Федерации и за рубежом». С учётом реального и жёсткого сопротивления, оказываемого в большинстве стран «ближнего зарубежья» популяризации русского языка, о чём речь ещё пойдёт ниже, данный проект Русского мира можно считать вполне самодостаточным, поскольку это именно проект.

Наблюдения эти важны, т.к., согласно В.А. Тишкову, «концепт «Русского мира» изначально выдвигался как мир русской диаспоры, как мир руссофонии, связанный с Россией, а не как «Россия +»». Он же добавляет, что «в академическом плане речь идёт о феномене российской диаспоры, актуализировавшейся в нашей жизни с эпохой горбачевской либерализации и с открытием России для внешнего мира и внешнего мира для России» [20].

Сам фонд «Русский мир» указывает, что «Русский мир — это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки. Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее. Все пласты Русского мира — полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологически неоднородного, мультикультурного, географически сегментированного — объединяются через осознание причастности к России. Формируя «Русский мир» как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития...Русский мир — это мир России» [21].

Доктор исторических наук, профессор РГГУ А.И. Миллер амбиции Русского мира описывает строго с позиций культуры: «В самом минимальном выражении идея «русского мира» заключается в том, что культурный продукт, созданный в его рамках, должен быть доступным всему населению этого мира, чтобы существовало единство этих людей, в том числе и через постоянный культурный диалог. Это не означает изоляции от других «миров», но ощущения, что в массовом масштабе люди Восточной Европы сумели сблизиться с, например, англо-саксонским культурным миром, у меня нет. В результате отказ от «Русского мира» как резервуара культурных ценностей ведёт не к обогащению из

новых источников, но к примитивизации культурного репертуара. Впрочем, это тоже вариант свободного выбора» [22].

Обозначенное «единство этих людей» опять-таки требует критерия. Разобранные выше критерии оказались крайне уязвимыми для критики, что заставляет искать иные подходы. Свой, если следовать приведённому выше термину, «манифест Русского мира» представили доктор экономических наук, руководитель Института европейских исследований (Латвия) А.В. Гапоненко и его соавторы М.Ю. Родин и А.Д. Стариков. В своей книге «Русская нация: этнические и цивилизационные вызовы» [23] они обозначили племя, народность, народ, нацию и супернацию как формы социальной общности, соответствующие определённым формам социального производства: так, «народ формируется под воздействием социальных мануфактур», а «нации» возникают с появлением «социальных фабрик». При этом «этнос» является особым продуктом деятельности элит, что вступает в спор с устоявшимся в науке представлением об этносах и этничности, учитывая, что понятие этничности даже отвергается, например представителями школы инструменталистов. «Конечно, массы не выступают полностью пассивным объектом в этом процессе, а в той или иной степени сами воспроизводят элементы этничности. Однако роль элит в воспроизводстве этничности является определяющей» [23, с. 34]. При этом авторы подчёркивают, что только последовательно реализуют те подходы, которые присутствуют в работах многих современных обществоведов, представляя нацию, как форму социальной общности, как продукт конструирования социальной элиты.

Определяя этнос продуктом волевой деятельности элит, авторы в полном соответствии со своей гипотезой рассматривают две альтернативные перспективы развития русского этноса: проект строительства российской нации и проект строительства русской нации. В зависимости от того или иного решения российской элиты и её воли к воплощению этого решения в жизнь. Отдельного рассмотрения здесь заслуживает вопрос о том, насколько эта воля распространяется на «разделённый народ».

Подход, предложенный А.В. Гапоненко, заставляет вместо объективной реальности этноса исследовать, прежде всего, замысел элит при его конструировании. И оценивать соответствие результата конструирования замыслу. Искомое «единство этих людей» состоит в их следовании воле элит.

Наименее формальным из исследуемых «манифестов» является «Русская весна». При этом знакомство с идеями этого «манифеста» показывает наличие тех же проблем, что были рассмотрены выше. Так, в своей статье ««Русская весна» как фактор мировой политики» доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России К.Е. Коктыш пишет, что среди экспертов нет единого понимания о критериях национальной идентичности и даже язык не может стать основанием национальной идентичности, так как может расколоть сообщество. По этой причине концепт «Русского мира» по лингвистическому признаку «сужает внешнеполитические амбиции до более узких масштабов, чем российская территория», в то время как в Российской империи православие было удачным интегратором, да и в СССР довольно удачным можно считать концепт советского человека [24].

Следование этим путём заставляет исследовать религиозного «двойника» Русского мира – Святую Русь. На открытии IV Ассамблеи Русского мира Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл указал, что русская православная традиция, именуемая Святой Русью, стала результатом совместного творчества всех народов, связавших свою судьбу с исторической Русью [25]. Доминик Ливен пишет, что в начале XVI века «термин «Святая Русь», объединяющий страну, народ, церковь и правителя, стал выражением национального духа [26, с. 379], т.е. выполнял роль искомого интеграла, формально недостижимого сейчас, при отделении церкви от государства и демократической сменяемости «правителя».

Представление о Русском мире, как духовном пространстве, основанном на слиянии общества и православной церкви, определяемой в качестве духовного ориентира, довольно распространено. Так, игумен Евфимий указывает, что идеи Русского мира возникли в процессе изучения духовного и культурного наследия русской эмиграции с повышением интереса к России со стороны эмигрантов разных волн. Однако подход, акцентирующий внимание на аспекте православия и духовности, не противоречит представлению о Русском мире как о цивилизационном проекте, поскольку признает значимость не столько православия, сколько духовности, связанной с уважением к разным взглядам и религиозным позициям, ибо само православие было вынуждено преодолевать многие сложности в определенные периоды времени. Поэтому здесь важно утверждение духовности и универсальных человеческих ценностей, прежде всего, что не отвергает от Русского мира, например, атеистов, не говоря уже о представителях других религий [27].

Исторически на территории России происходило разнонаправленное взаимовлияние, в том числе в духовной сфере. Так, представители иных религий, проживающие в России, учитывают и разделяют сложившиеся в большом российском обществе традиции и нормы, среди которых семейные ценности, историческая память, солидарность. Поэтому, чтобы быть частью Русского мира, даже не обязательно быть верующим, но несомненно важным является условие разделять традиции и ценности российского общества. Русский мир исторически рос вместе с Россией, приобретая более глубокое и обширное звучание.

Руководитель Института русской цивилизации О.А. Платонов размышляет, соответственно, о «Русской цивилизации», и предлагает «основные понятия Святой Руси», которая выступает у него синонимом Русской цивилизации - «вера, добротолубие, нестяжательство, соборность, государственное начало, сильная центральная власть и сильное самоуправление на местах». Данный перечень у него в патриотическом ключе предстаёт исключительно позитивным, в связи с чем, по всей вероятности, приведённые понятия постоянно предстают как «идеалы» [28]. Отметим, что Святейший Патриарх Кирилл применительно к «Святой Руси» тоже употреблял «идеал».

Для полноты спектра изученных авторами подходов к пониманию Русского мира следует обратить внимание и на позиции его антагонистов. Эти позиции авторы исследовали в работе «Современные российские либералы и фашизм» [29], в которой, в частности, отметили чётко выявленную оппозицию «государственный миф об агрессивности Запада» и «агрессивность Русского мира». Так, И.А. Яковенко пишет, что понятие «Русский мир» связано исключительно с агрессивной Россией, оно всецело вымышлено и сближается с понятием «фашизм» [30]. А Н.К. Сванидзе указывает на имперскую сущность проекта и на постимперский синдром россиян [31].

«Русский мир» критикуется не только справа, но и слева. Так, член Идеологической комиссии ЦК РКРП-КПСС А. Буслаев в своей статье «Крах «Русского мира»» [32] пишет о неприятии коммунистами «насаждения православия» и отсутствия должной альтернативы.

При этом зарубежные исследователи, вопреки возможным ожиданиям, не являются в большинстве своём антагонистами Русского мира. Они в большей степени воспринимают Русский мир в утилитарном смысле, как инструмент реализации конкретных интересов России на международной арене, а не как процесс, сопровождающий самоидентификацию и историческое развитие самосознания российского населения.

Так, М. Ларюэль высказывается уважительно, указывая на то, что Русский мир – это продукт геополитики [33]. То, что он, с ее точки зрения, размыт, позволяет всегда прибегать к нему, в любых обстоятельствах, и делает его универсальной концепцией. Исследователь полагает, что наиболее эффективно концепцию Русского мира возможно использовать для ребрендинга государства и для оправдания внешнеполитических действий, в частности, для примирения с российскими диаспорами за рубежом. При этом М. Ларюэль также подтверждает мысль о том, что понятие Русский мир – это суть цивилизационный проект, употребляемый в том же контексте, что и греческий,

римский, византийский мир, что означает обширную территорию, в которой все разделяют культурные ценности центра «с русской культурной доминантой». Но именно эта культурная детерминанта и способна вызвать сопричастность огромного числа людей к России, через знание и приверженность русскому языку и культуре. В этом контексте Русский мир оказывается «шире наций и границ». Поэтому данный концепт важен для формулирования стратегии государственного развития и внешней политики. Основываясь на этом, можно отметить, что Русский мир – это есть цивилизационный проект, который довольно гибок, пластичен, в некотором смысле размыт, не имеет четких границ, стержнем которого является культурный русский код, а русская культура – универсальным интегратором.

Сравнение подходов апологетов и антагонистов Русского мира к форме этого проекта позволяет немедленно выявить ощутимую разницу; апологеты говорят о «цивилизации», «мире», антагонисты – об «империи». Отсутствие инструментальных определений «империи» и «цивилизации» не даёт возможности провести качественный сравнительный анализ этих двух понятий, однако отметим очевидное различие, получившее подтверждение в уже исследованном материале: империя в первую очередь, как правило, является результатом военных успехов (исключения, конечно, есть – Австро-Венгерская империя, например, возникла в результате череды династических браков), а цивилизация – культурных достижений. Цивилизация по определению «больше» империи, т.к. не укладывается, как правило, в пределы одного государства.

Исследователь империй Доминик Ливен определял империю как могучую державу, оказавшую большое влияние на международные отношения своего времени, управляющую большими территориями и мультиэтническими конгломератами, что составляет главную проблему всех империй. При этом империя не может быть демократией, хотя это не означает, что она незаконна или непопулярна в глазах большинства подданных. Становление империй также связано с великими религиями и высокими культурными достижениями [26].

Как видно из приведённого определения, важнейшие империи приближаются к цивилизациям, но не являются ими.

Определение цивилизации также предложил руководитель Института русской цивилизации О.А. Платонов, который указал, что «цивилизация – это главная форма человеческой организации пространства и времени, воплощенная в определённых началах, выражающих духовное существо народов. Каждая цивилизация – это замкнутое духовное пространство, духовная общность, которая существует и в прошлом, и в настоящем, и одновременно обращена в будущее. «(...) Особо хотелось бы отметить, что разделение человечества на цивилизации имеет не меньшее значение, чем разделение его на расы. Если расы – это распределение групп людей по физическим признакам, то цивилизации – это разделение людей по духовным признакам. Если раса различается по цвету кожи, строению волос и другим физическим признакам, то народы, относящиеся к той или иной цивилизации, разделяются по определенным духовным признакам, духовным установкам, психическим, психологическим признакам» [34].

Вместе с тем, как утверждает один из авторов работы, и «империя», и «цивилизация» являются способами экспансии [35, с. 164]; последнее несколько противоречит «замкнутому духовному пространству».

В. Никонов прямо указывает на то, что Русский мир представляет собой цивилизацию и способен вступать в диалог с другими цивилизационными сообществами. Наиболее наглядно, например, в рамках БРИКС. Именно такой подход «оправдывает» значимость России в мировой политике. Он полагает, что в современном мире можно, в общем и целом, говорить о двух обширных цивилизациях – западной и исламской (китайская, японская цивилизации длительное время стояли особняком). При этом в разные исторические периоды времени они обладали разной степенью влияния на мировые процессы. Со времени Великих географических открытий вперед вырвалась

западная цивилизация, получившая доступ к почти неограниченным и дешевым ресурсам, обеспечившим ей быстрое экономическое развитие, которое потянуло за собой социальное и политическое развитие. По этой причине западная цивилизация часто представлена как универсальная цивилизация, как образец для подражания и финальный аккорд человеческой истории. По этой же причине Русский мир соотносят с тем, как он коррелирует с западной цивилизацией. Однако в XX веке активными участниками мировых процессов стали Китай и Япония, за которыми потянулись другие игроки, что разнообразило традиционное противостояние. Очевидно, это поставило под вопрос универсальность западной цивилизации и показало, что существует в большей степени цивилизационная множественность [36].

Авторы настоящей работы полагают, что искомое единство людей Русского мира всё-таки является объективной реальностью и предлагают юридический подход, в котором критерием единства Русского мира является российское правосознание. Такой подход, помимо очевидной определённости, позволяет в отношении Русского мира сразу же отказаться от категорий «политической нации», «этноса», «российских соотечественников» и пр. «интегралов по дуге», перейдя к рассмотрению Русского мира, как цивилизации – «интеграла по объему», поскольку границы правосознания очевидно шире, чем границы национального, этнического, гражданского и т.п. В своей «Философии права» В.П. Малахов выводит всего несколько типов правосознания, каждый из которых может соответствовать только цивилизации [37].

Такой подход стал возможен лишь в последние годы – после того, как в российскую философию права, творимую до недавнего времени практически исключительно юристами, пришли философы. Процесс даже получил название «месть философов». Чтобы обозначить разницу в подходах, достаточно привести лишь одно утверждение В.П. Малахова: «теория правосознания не может быть научной, поскольку правосознание не наблюдаемо. Она должна быть философской или чисто интеллектуальной процедурой размышления о косвенных показателях, предоставляемых науками» [38, с. 146].

Если предлагать российское правосознание как основной критерий принадлежности к Русскому миру, то встаёт вопрос об объективности этого критерия. По мнению В.П. Малахова, правосознание объективно, оно и есть процесс познания, оно вне воспитания, зависит от мотивирующих обстоятельств, которые складывается «объективно, вне контроля, под влиянием неучитываемого множества неоднозначно действующих факторов» [38, с. 147]. При этом, в отличие от большинства философов права, В.П. Малахов именно правосознание считает предметом философии права.

Консервативное «юридическое» определение правового сознания дают, например, Г.И. Иконникова и В.П. Ляшенко, как «осознанную правовую реальность, жизненный мир человека и общественные явления, отражённые с точки зрения законного и незаконного в идеях, теориях, научных и эмпирических знаниях, обычаях и традициях, чувствах и эмоциях, а также в деятельности людей» [39, с. 150]. Как видно из данного описания, обращение к правосознанию позволяет ответить на вопрос, почему во внешне схожих обстоятельствах принадлежащие к разным цивилизациям люди принимают разные решения. Иными словами, обращение к правосознанию позволяет установить его в качестве маркера «свой-чужой», что принципиально важно, поскольку отвечает на вопрос об интегрируемой функции.

Неизбежно возникающий вопрос о том, коррелируют ли основополагающие идеи правовой культуры только с цивилизациями, решается, по мнению авторов, утвердительно. Конечно, между правосознаниями различных политических наций и этносов также существуют различия, но не на уровне идей. Так, идеи «свободы, равенства, братства» из национального девиза Французской Республики не принадлежат исключительно французам, также как идеи «свободы, права и справедливости» из преамбулы Основного закона Эстонской Республики не принадлежат исключительно эстонцам.

Насколько российское правосознание способно играть роль искомого интеграла? Авторы убеждены в том, что в значительной степени, т.к. обращение к российскому правосознанию, как к интегралу, позволяет охватить содержание практически всех приведённых «манифестов» с минимальным ущербом для каждого из них в отдельности.

Так, в частности, обращение к российскому правосознанию позволяет ответить на вызов единства «страны, народа, церкви и правителя» - вызов, как было показано выше, формально непреодолимый из-за отделения церкви от государства. Исследуя доминанты духовности и системообразующие идеи российской правовой культуры, В.П. Малахов пришёл к выводу, что «своеобразие российской духовности заключено в базовом сочетании религиозности и моральности» [37, с. 309]. На формальный разрыв церкви и религии российское правосознание ответило, в частности, созданием «гражданской религии», зарождение которой в акции «Бессмертный полк» рассмотрела завкафедрой журналистики и PR в Российском Православном Университете Е.В. Жосул, указывая на эмоциональный заряд шествия, сопоставимого с полуношным крестным ходом, где сопричастность обеспечивается портретом родного героя [40].

Здесь необходимо отметить, что концепт прав человека, хоть и закрепленный в ст. 2 Конституции РФ как «высшая ценность», так и не стал в России «гражданской религией». Причины этого, как будет показано ниже, тоже кроются в особенностях российского правосознания.

Обращение к российскому правосознанию также позволяет избежать комплиментарности, свойственной «идеалам». Правосознание реально. В.П. Малахов отмечает, что «для российской моральности характерна разорванность между идеально-моральной и нравственно-обычной сторонами жизни [37, с. 310-311].

Следует отметить, что указанные идеи не коррелируют с формальной «национальной матрицей», изложенной в преамбуле Конституции РФ. В ней, в частности, говорится о том, что народ Российской Федерации принимает Конституцию «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» [41], из чего можно сделать вывод о том, что основополагающими идеями российской правовой культуры являются идеи «добра» и «справедливости». Характерно, что ни в одном из изученных авторами комментариев к преамбуле Конституции РФ эти идеи вообще не упоминаются, как идеи. Так, например, Е.Ю. Бархатова указывает только на указанные в преамбуле «шесть основополагающих целей» [42] государства, а в комментарии под общей редакцией Л.В. Лазарева эти идеи названы «предпосылками и условиями этого народного решения (о принятии Конституции – авт.)» [43]. В комментарии под редакцией В.Д. Зорькина и Л.В. Лазарева они рассмотрены как выражение «преимущества российской государственности и уважения к историческому прошлому народа» [44].

В доктринальном комментарии под редакцией Ю.А. Дмитриева указанная тема даётся более развёрнуто и связывается с чувством патриотизма, любви и уважения к Отечеству. Он указывает, что исторически российский народ преодолел многие испытания, благодаря многим обстоятельствам объединился в единую историческую общность, называемую многонациональный народ. Этот пассаж в наибольшей степени характеризует преамбулу как политический документ, ибо право не может утверждать ни добро, ни справедливость, оно выполняет иные социальные задачи» [45].

Далее, чтобы представить предложенные В.П. Малаховым основополагающие идеи российской правовой культуры, придётся обратиться к пространной цитате.

«Идея правды выражает нравственную установку на противостояние юридическому, безлико-внешнему бытию людей. Правда, с одной стороны, является выражением ориентации на некое должное правовое состояние, а с другой – предстает как страдательное правовое состояние человека в силу принципиального несовпадения реального и должного. Идея правды и дедуцируемая из нее идея подлинности права выражает не практическую, а идейную оправданность полной отчужденности от закона. В

ней воплощены и смирение, и надежда. (...) С правдой самым непосредственным образом связана идея милости. (...)» [37, с. 311].

Приведённые позиции заставляют совершенно по-иному взглянуть на многие вещи. В частности, на проблематику гражданства, «гражданского общества» и «политической нации» в России. Вплоть до вопроса: а есть ли вообще это гражданство и возможно ли оно в принципе? Потому что «отчуждённость от закона» и пр. никак не сочетаются с «гражданством», в основе идеи которого лежат идеи свободы и равенства.

Помимо этого, возможно сделать ещё целый ряд выводов. Во-первых, В.П. Малахов справедливо указывает на данный тип правосознания как на российский, а не русский, т.к. такой тип правосознания мог сложиться только при таком типе власти с её «кодами». Российское «цивилизационное начало» за рубежом, с одной стороны, достаточно гибко и пластично, и способно к интеграции, с другой стороны, при наличии соответствующей критической массы, воспроизводит «российскую власть» с её «кодами». Характерные примеры – уже сложившиеся образцы «русского мэра» Н.В. Ушакова в Риге и Э.Э. Сависаара в Таллине. Примеры площадью больше – Приднестровская Молдавская Республика и Республика Южная Осетия. При этом концентрацию критической массы тоже можно признать процессом объективным: так, например, учёные из Тартуского университета и Делфтского технического университета установили, что всё больше эстонцев живут и переезжают в одни и те же районы как в Таллине, так и по всей Эстонии. В то же время, русскоязычные люди селятся в других районах, часто там, где относительно большая доля русскоязычного населения [46].

Таким образом, в российском правосознании отсутствует жесткая граница между правом и моралью, что влияет на взаимодействия в обществе (в частности, в большей степени россияне опираются на конкретных людей, нежели на букву закона). При этом данная ситуация до некоторой степени является и обобщением и упрощением, неизбежным при подобной категоризации, поскольку в настоящее время идет интенсивное формирование новой правовой культуры. Нельзя не заметить, что при жесткой критике российских судов, число обращений граждан в них растет постоянно. Помимо этого, прокуратура РФ отмечает и рост обращений россиян в Европейский суд по правам человека. Очевидно, что ситуация с правовым сознанием россиян меняется довольно быстро и устойчиво, и они становятся все в большей степени требовательными к своим правам и свободам.

Соответственно, «гражданином Русского мира» можно предположить правовое существо с российским правосознанием – того, кого М.К. Мамардашвили назвал «определившимся субъектом» [47, с. 30]. Внутренняя противоречивость идей российского правосознания (без которой структура не была бы динамичной) акцентируется В.П. Малаховым так: «Как сочетаются правовое и моральное существо? Гармония, автономия, частичное согласование, непримиримость? Либо мы живём по праву, либо по морали. Середина – лукавство». Но при этом уточняет: «Человек – и правовое, и моральное, и политическое, и экономическое, и историческое существо. Но следует постоянно помнить, что в актуальном состоянии человек не может быть одновременно, например, правовым и моральным, правовым и экономическим существом. Эти актуальности могут быть только последовательными, но не совмещенными: являясь актуально правовым существом, человек не перестает оставаться потенциально моральным, религиозным, или иным существом» [38, с. 80, 270]. Видимо, в текущий исторический период времени россиянин – это скорее человек моральный, нежели человек правовой. Он отдает себе отчет в том, что законы производят люди, которые могут быть далеки от совершенства, в то время как моральные и нравственные образцы остаются неизменными, на них всегда можно опереться.

Далее: в ходе настоящего исследования была выявлено, что главным «конкурентом» российскому правосознанию на место «интеграла» Русского мира выступал русский язык. Распространение в мире русского языка, напомним, является основной целью Фонда

Русский мир. Если рассматривать Русский мир как инструмент языковой экспансии, то уместно будет уточнить современные позиции русского языка в цивилизационной конкуренции с главным мировым языком - английским.

Английский язык является официальным в 58 суверенных государствах и 28 «несуверенных объектах». При этом западная цивилизация не исчерпывается английским языком. Если не рассматривать символическую разницу между «государственным» и «официальным» языками, то русский язык является официальным всего в 6 государствах. Сравнение на первый взгляд очевидно в пользу английского языка, что должно говорить о победе западной цивилизации над русской в цивилизационной конкуренции по выбранному параметру. Однако является ли это сравнение корректным? По всей видимости, нет, и правильная постановка вопроса могла бы быть следующей: скольким народам дала свою собственную письменность Россия, а скольким – Великобритания? Скольким народам помогла создать и сохранить свою государственность, скольким, наконец, помогла создать свои системообразующие мифы, тот же эстонский «Калевипоэг»? При такой постановке вопроса видно, что изначально и сравнительная база была принята некорректно: британские 58 + 28 государственных языков равны имперским достижениям, а не цивилизационным.

Сказанное справедливо и во внутрироссийском аспекте: Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» [48, с. 1740] был принят в 1991 году, а ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [49, с. 2199] - только в 2005 году, причём явно реактивно, после того, как все бывшие союзные республики уже давно обзавелись своими государственными языками. Более того: в большинстве «постсоветских» конституций место государственного языка – в главе «Основы конституционного строя», в одном ряду с государственными символами. А в Конституции РФ русский язык записан государственным в главе «Федеративное устройство» - ч. 1 ст. 68.

Откуда такая щедрость и при этом скромность на государственном уровне? При ответе на этот вопрос придётся опять обратиться к значению религиозности в российской правовой культуре. «Религиозность в российской культуре (...) повседневно и исторически воспроизводится в мышлении и ощущении харизматической и мессианской предназначённости русского народа. В отличие от ветхозаветной изначальной богоизбранности еврейского народа, как способного блюсти договор, данная призванность покоится на убеждённости, что русский человек должен за весь мир потрудиться и весь этот мир перетерпеть. Российская религиозность связана с ориентацией на абсолютные, идеальные ценности. Этот религиозный максимализм направлен на самого русского человека, делающего из него страстотерпца» [37, с. 309].

С практической точки зрения при таких базовых установках успех глобальной экспансии русского языка представляется сомнительным. Однако такой вывод можно было сделать только после обращения к основам российской правовой культуры.

Как видно из последней приведённой цитаты из В.П. Малахова, перед ним не стояло задачи преодоления разрыва между «русским» и «российским»: рассуждая о «российской» правовой культуре, субъектом её он всё-таки определяет «русского человека», а не «россиянина». В контексте настоящей работы этот разрыв имеет принципиальное значение, и многие из авторов «манифестов» пытались дать ему своё объяснение. Также, по мнению авторов, перед В.П. Малаховым не стояло задачи отчётливо привязать различные типы правосознания, как формы общественного сознания, именно к цивилизациям, хотя практически именно это он и делает.

Всё вышеуказанное подводит авторов к мысли о том, что качественное отличие цивилизации от этноса/народа/нации/супернации/нации наций состоит в том, что в цивилизации лидирующий этнос как бы растворяется, принося свою этничность в жертву взамен за право возглавить цивилизацию. Во всяком случае, это точно справедливо в отношении русских: не имея своей государственности в составе Российской Федерации,

русские объективно возглавили Русский мир. Аналогичное наблюдение можно считать справедливым и в отношении англичан в США, создавших американскую цивилизацию. Таким образом, основа гомогенности цивилизации – единое правосознание. Так, например, «особый порядок управления», существовавший в Российской Империи для Прибалтики и Финляндии, сразу выдаёт их чуждость русской цивилизации.

Авторы отдают себе отчёт в том, что, не будучи философами, вполне могут ошибаться, однако именно к такому выводу подводит весь ход предыдущих построений. К тому же такая гипотеза сразу обнаруживает свою практическую ценность. В частности, заявление В.А. Тишкова о том, что «российская идентичность является надэтнической, и она не отменяет идентичность и целостность этнонаций», в свете высказанной гипотезы представляется верным в части надэтнического характера российской/русской идентичности.

Определив важное место религиозности в российском/русском правосознании, уже не кажется безнадёжно потерянным отмеченное К.Е. Коктышем обстоятельство, что «в Российской империи концептом «русскости» было православие», причём концептом именно надэтническим: крестившиеся считались русскими. Окормление именно со стороны Русской Церкви Святейший Патриарх Кирилл ставит условием того, чтобы Святая Русь была «плодом сотворчества всех народов». В современных условиях «подсоединение» к «русскости» объективно происходит через проявление правосознания, а субъективно, в частности – через вовлеченность в «гражданскую религию» того же «Бессмертного полка».

В заключение следует сделать несколько существенных замечаний.

Во-первых, объективность правосознания не даёт возможности подходить к нему с оценками «хорошо» и «плохо». Как гласит знаменитая поговорка, «что русскому хорошо, то немцу – смерть». Данное замечание призвано подчеркнуть, что Русский мир – объективная реальность, а не проект. Русский мир там, где укоренилось и господствует русское правосознание.

Во-вторых, установление, согласно выдвинутой гипотезе, цивилизационного равенства между «русским» и «российским», если и должно проводиться в жизнь, то на основании, прежде всего, профессиональных философских разработок и, что не менее важно, неторопливого достижения общественного консенсуса. В противном случае Русский мир неизбежно будет обвинён в агрессивном этнонационализме, что уже происходит – так, например, Ежегодник Охранной полиции Эстонии с 2014 года отказался от использования термина «российские соотечественники» и заменил его «зарубежными русскими» [50].

Вместе с тем авторы считают необходимым указать на то обстоятельство, что терминологический конфликт между «русским» и «российским» неоправданно затянулся и тормозит тем самым развитие целого ряда общественных наук.

В-третьих, объективность российского/русского правосознания ставит вопрос о практической реализации задач построения гражданского общества и установления верховенства закона в России. Особенности правосознания нации исследовала историческая школа права и определяла их как *Volksgeist* – «народный дух», который, как утверждали её создатели Ф.К. Савиньи и Г. Гуго, дан изначально и не способен к саморазвитию [51]. Вопрос о том, насколько западные образцы в широком смысле соответствует российскому/русскому *Volksgeist* и каковы последствия их реализации?

И.А. Ильин не считал современное правосознание незыблемым, а полагал его расколотым на «естественное» и «положительное» (современное «позитивистское» - авт.) и подлежащим исправлению. «Отсюда уже ясно, что нормальное правосознание ведет не раздвоенную, а единую и целостную жизнь, и если оно видит перед собою исторически данное раздвоение права, то оно целиком обращается к борьбе за единое, правое право и за восстановление своего внутреннего, предметного духовного единства. (...) Нормальное правосознание можно изобразить как особый способ жизни, которым живет душа,

предметно и верно переживающая право в его основной идее и в его единичных видоизменениях (институтах). Этот строй душевной жизни есть, конечно, нечто идеальное, однако не в том смысле, чтобы этот «идеал» был неосуществим. Напротив, этот способ жизни уже дан в зачатке каждому из людей, и от каждого из нас зависит — осознать, развить и упрочить в себе этот зачаток» [52, с.158].

Библиография

- [1] Середенко С.Н. «Приземление» Русского мира // Балтийский мир. – 2012.- № 1.
- [2] Середенко С.Н. О ценностях Русского мира // Стратегия России. – 2011. - № 2.
- [3] Щедровицкий П. 2001: восстановление контекста // URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history01/.
- [4] Тезисы о суверенизации: М. Гефтер и Г. Павловский // URL: <http://gefter.ru/archive/13809>.
- [5] Пантелеев С.Ю. Русские – разделённый народ: раскрытие понятия // URL: <http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=35961>
- [6] Президент России. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548>
- [7] Национальные проекты. Официальный сайт // URL: <http://www.rus-reform.ru/natsionalnye-proekty/o-zhurnale.html>
- [8] Тишков В.А. Россия – это нация наций. В поисках формулы // URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/rossiya_e1.html
- [9] Тишков В.А. Народы и религии мира. Энциклопедия. - М., 2000.
- [10] Еремина Н.В. Нация: игра в слова и смыслы // Вопросы национализма. – 2015. - № 24 (декабрь).
- [11] Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. - М.: ИД Высшей школы экономики, 2011.
- [12] Малахов В.С. Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // Гражданство и гражданское общество. - М.: ИД Высшая школа экономики. 2011.
- [13] Газета: никто не знает, сколько российских граждан находится в Латвии // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/gazeta-nikto-ne-znaet-skolko-rossijskih-grazhdan-nahoditsya-v-latvii.d?id=44271219>
- [14] «Уже 50 тысяч косовских сербов желают получить гражданство России, чтобы «предотвратить исламизацию». 2011 // URL: <http://market-minder.ru/2016/01/uzhe-50-tisyach-kosovskih-serbov-zhelayut-poluchit/>
- [15] Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран. - М., 2000.
- [16] Дондурей Д.Б. «Абсолютное большинство граждан» против «гражданского общества». 2013 // URL: <http://gefter.ru/archive/10700>
- [17] Газета: никто не знает, сколько российских граждан находится в Латвии // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/gazeta-nikto-ne-znaet-skolko-rossijskih-grazhdan-nahoditsya-v-latvii.d?id=44271219>
- [18] За пределами России сейчас проживает около 30 миллионов наших соотечественников // URL: <http://www.interfax.ru/interview/131938>

- [19] В России нашли "абсолютный позор" // URL: <http://www.utro.ru/articles/2013/10/25/1152452.shtml>
- [20] Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России. - 2007. - № 7.
- [21] Фонд Русский мир // URL: <http://russkiymir.ru/fund/>
- [22] Российский историк Алексей Миллер: Восточная и Центральная Европа погрязла в политике памяти, сконцентрированной на идее собственных страданий // URL: <http://nn.by/?c=ar&i=169789&lang=ru>
- [23] Гапоненко А.В., Родин М.Ю., Стариков А.Д. Русская нация: этнические и цивилизационные вызовы. Рига: Институт европейских исследований, 2015.
- [24] Коктыш К.Е. «Русская весна» как фактор мировой политики // URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1461064227
- [25] Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии IV Ассамблеи Русского мира // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1310952.html>
- [26] Ливен Доминик. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. - М.: Европа, 2007.
- [27] Иумен Евфимий (Моисеев). Концепция Русского мира как цивилизационный проект XXI века // URL: <http://www.kurskpds.ru/articles/kontseptsiya-russkogo-mira-kak-tsivilizatsionnyy-proekt-khkhi-veka/>
- [28] Платонов О.А. Неповторимые черты русской цивилизации // URL: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/428/>
- [29] Еремина Н.В., Середенко С.Н. Современные российские либералы и фашизм // Социодинамика. - 2015. - № 10.
- [30] Яковенко И.А. Война слов: три послания // URL: <http://iyakovenko.livejournal.com/75559.html>
- [31] Н. Сванидзе о «Русском мире» // URL: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1606996-echo/>
- [32] Буслаев А. Крах «русского мира» // URL: <http://rkrp-rpk.ru/content/view/14597/82/>
- [33] Ларюэль М. Русский мир. Мягкая сила России и геополитическое воображение // URL: http://www.ponarseurasia.org/ru/article_20150615_Laruelle
- [34] Платонов О.А. Неповторимые черты русской цивилизации // URL: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/428/>
- [35] Eremina N. Advent of a new civilization project: Eurasia in – U.S. out? // Journal of Eurasian studies. – 2016. - N 7. pp.162-171.
- [36] Никонов В. От концерта держав в концерту цивилизаций // URL: <http://www.russkiymir.ru/publications/190952/>
- [37] Малахов В.П. Философия права. 2-е издание. - М., 2007.
- [38] Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. - М., 2012.
- [39] Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права. - М.: Юрайт, 2013.
- [40] Сергей Середенко: Ни одна самодостаточная нация без гражданской религии в сегодняшнем мире не существует // URL: <http://baltija.eu/news/read/43645>
- [41] Конституция Российской Федерации // Российская газета. 25 декабря 1993 г. Федеральный выпуск № 4831.

- [42] Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. - М.: Проспект, 2010.
- [43] Комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Л.В.Лазарева). - М.: Новая правовая культура, 2009.
- [44] Комментарий к Конституции Российской Федерации под ред. В.Д.Зорькина и Л.В.Лазарева // URL: <http://kommentarii.org/konstitutc/index.html>
- [45] Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / под ред. Ю.А.Дмитриева. - М.: Деловой двор, 2009.
- [46] [Kadi Mägi](#), [Kadri Leetmaa](#), [Tiit Tammaru](#), [Maarten van Ham](#). Types of spatial mobility and the ethnic context of destination neighbourhoods in Estonia // Demographic Research. 2016. [Volume 34](#) - Article 41. С. 1161-1192 // URL: <http://www.demographic-research.org/volumes/vol34/41/default.htm>
- [47] Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – М, 2004.
- [48] Закон РФ от 25.10.1991 No 1807-1 (в ред. от 02.07.2013) «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. No 50. С. 1740
- [49] Федеральный закон от 01.06.2005 No 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. No 23. С. 2199
- [50] Ежегодник Охранной полиции Эстонии 2014. - Таллинн, 2014.
- [51] Спасенников Б.А. Теория государства и права. - М. 2013.
- [52] Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. Соч. в 10 т. Т. 4. - М. 1994.